

Леша Барац

Актер театра и кино, сценарист, продюсер. Один из основателей комического театра «Квартет И»

Леонид Григорьевич Барац. 1993 г.

Мы с Димой были на параллельных курсах. Они уже гремели в какой-то момент, потому что курс оказался очень сильный. У них был «Театр Ученая обезьяна». По-моему, познакомились мы в Доме актера. Там были такие капустники — молодежная ложа. И капустники, где мы прямо соревновались с ними, — «Квартет И» и «Ученая обезьяна». Мы шли ноздря в ноздю в смысле реакций и хороших номеров капустных. Все, естественно, началось с выпивки.

Александр Демидов, Камиль Ларин, Ростислав Хаит,
Леонид Барац. Квартет И. 1990-е годы.

Яркое воспоминание: был юбилей — 70-летие Булаты Окуджавы. И Райхельгауз (*Иосиф Леонидович Райхельгауз — режиссер, педагог. Народный артист. Заслуженный деятель искусств. Создатель и художественный руководитель московского театра «Школа современной пьесы»*) позвал и нас сделать какой-то номер капустный, и «Ученую обезьяну». Мы страшно волновались. Судя по всему, и они тоже. Понятно, что в зале сидела вся театрално-культурно-музыкально поэтическая Москва. И они, и мы хорошо прошли. Театр был переделан из архива какого-то и там в глубине, за этим архивом, были стеллажи, а дальше какой-то коридорчик, и в комнатке жила актриса театра «Школа современной пьесы», и туда она всех позвала, и мы у нее бурно праздновали наш успех.

Я помню, что директор театра (*Филипп Григорьевич Лось — режиссер. Руководитель Русского театра Эстонии. Заслуженный работник культуры РФ*) в какой-то момент пришел и сказал: «Я вас очень уважаю, но ваш артист — Александр Демидов — блюет и писает. При этом на него упала дверь». Он ее держал каким-то образом, чтобы она совсем не свалилась, и при этом производил все эти физиологические действия. И там мы прямо сдружились, познакомились, и понятно, что мы пели.

Выступление Квартета И. 1990-е годы.

А потом появился спектакль «Актерские игры». Спектакль наш и «Ученой обезьяны», где были собраны разные номера. Суть в том, что актерские этюды с определенным заданием. Например: тебе дают конфликтную ситуацию на двоих, но у тебя есть рамки — ты должен от «А» до «Я», чтобы каждая следующая реплика начиналась со следующей буквы алфавита. И от нас кто-то был, и от «Ученой обезьяны». И Дима принимал в этом участие.

Фотография из спектакля «День радио». 2006 г.

А потом появился главный спектакль, в смысле — главный с Марьяновым. Он его выпускал. Мы его позвали на роль ди-джея. И этому спектаклю двадцать лет, и Дима в нем играл до конца.

Фотография из спектакля «День радио». 2006 г.

При всем его хулиганистом виде и поведении, пацанстве — на киноплощадке, на сцене, в репетиционном зале у него была актерская гигиена. То есть он понимал, где можно, а где нельзя. Где зоны режиссера, где он имеет право импровизировать. Где нужно включаться, где нужно посидеть-послушать. Где уже рисунок роли определен, а где есть пространство для импровизации. То есть у него была отличная школа. Что же касается импровизации внутри рисунка — здесь он блистал. У него была очень плохая дикция, ни черта не понятно, что он говорил, но при этом, поскольку он был харизматичен и точен по-актерски, то, несмотря на отсутствие двадцати пяти слов из сорока в его фразе, несмотря на то, что эти слова как-то плохо произнесены, все, что он делал, было понятно. Добавлял эмоцией, и пластикой, и сутью актерского поведения. Импровизировал он всегда. Он был очень живой партнер, то есть если ты что-то делал новое, он не шел по схеме, он слышал тебя. И как-то естественно реагировал на это новое.

Мы артистов подбираем по человеческим сходствам. Если хороший артист, но при этом не попадает в компанию, не созвучен, за кулисами с ним тяжело: каким-то образом он отторгся из нашего театрального организма. А Дима абсолютно попал. С Димой я был очень близок, в какой-то момент мы с ним даже не приятельствовали, но дружили. Он, как любой эмоциональный человек, был разный, он существовал в широкой амплитуде. Но в нем всегда оставались мальчишеская принципиальность и преданность. Они иногда срабатывали для него в отрицательную сторону. Потому что надо взрослеть и понимать, надо становиться гибче. Вот с этим у него были проблемы. Зато когда по-пацански нужно себя повести — с этим проблем не было. И в этом ощущалась какая-то надежность. Такая дворовая надежность.

Фотография из спектакля «День радио». 2006 г.

Я помню, что перед спектаклем «День Радио» довольно часто он был с похмелья, а у нас первая сцена, мы выходили. Я первый, а он за мной и как бы пристраивался — типа хватал за попу. Мой персонаж нетрадиционной ориентации, мы с ним друзья, и он надо мной подшучивал. И перед выходом, если он был с похмелья, а в последние два года с похмелья он был довольно часто, он говорил мне: «Леша, я не умру? Я не умру?». И я говорил: «Сегодня нет, сегодня нет».